

Е.И. Якушкина (Москва, Россия)

Этическое содержание социальных обозначений в сербском языке

Аннотация: Этические оценки обычно являются в языке вторичными образованиями, возникающими на базе других значений: пространственных, пищевых, анатомических, цветовых и др. Одним из кодов языка народной этики является социальный. В настоящей работе предпринята попытка показать, какие социальные группы подвергаются этическому осмыслению в сербском языке и как на основе социальных обозначений концептуализируются этические понятия. Выделяются три такие социальные группы: деревенский житель (простак, 'сельак'), горожанин-мещанин ('малограђанин') и горожанин-аристократ ('господин'). Обозначения жителя деревни развивают значения хамства, горожанина-провинциала превращаются в отрицательную оценку торгашества и бездуховности, горожанина-аристократа – надменности. В отличие от русского языка, положительные этические оценки на базе социальной терминологии в сербском языке не сложились (ср. русск. интеллигентность).

Ключевые слова: сербский язык, народная культура, этическая семантика, лексико-семантическая типология

E.I. Yakushkina (Moscow, Russia)

Ethical Content of Serbian Social Names

Abstract: Ethical words are usually secondary lexemes, formed on the basis of other meanings: spatial, food, anatomical, color, etc. One of the language codes of folk ethics is social. The paper describes which social groups are ethically interpreted in Serbian and how ethical concepts are conceptualized on the basis of social names. There are three such social groups: the villager ('prostak'), the provincial townsman ('malogradjanin') and the aristocrat ('gospodin'). The names of the villager develop the meaning of rudeness, the names of the provincial townsman – self-interest and lack of spirituality, the names of the aristocrat – arrogance. Unlike Russian, Serbian social names didn't develop positive ethical meanings (cf. positive concept 'интеллигентность' in Russian).

Key words: Serbian language, traditional culture, ethical semantics, lexico-semantic typology

Вторичные значения слов, обозначающих социальный статус человека, и значения их словообразовательных производных, как правило, отражают стереотип поведения и нравственного облика того или иного социального слоя в сознании языкового коллектива (ср. русск. *хам* – ‘дворовый человек, лакей’ и ‘безнравственный, некультурный человек’, *мещанин* ‘лицо, принадлежащее к мещанству; человек с мелкособственническими интересами, узким кругозором, обыватель’ и *мещанство* ‘сословие в дореволюционной России’ и ‘психология, идеология и поведение мещанина, обывательщина’ [МАС 2: 265–266]). Целый ряд поведенческих и нравственных качеств выражается в языке через социальные понятия (русск. *интеллигентность*, *аристократизм*, *благородство*), и за многими социальными обозначениями закреплены устойчивые этические ассоциации (обыватель – ‘человек... с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами’ [МАС 2: 580]). Регулярность этого явления позволяет говорить о наличии социального кода в этической лексике, наподобие кодов пространственного (ст.-сл. *lqkavъ* ‘злой, дурной’ и русск. *лук* ‘вид оружия’, *излучина* ‘изгиб’, серб. ‘дуга’), телесного (ст.-сл. *безочитъ*, *безочивъ* ‘наглый’,), гастрономического (серб. *мрсан* ‘скромный’ и ‘непристойный, неприличный, вульгарный’) или цветового (*очернить честь*) [Якушкина 2003].

В настоящей работе предпринята попытка показать на сербском материале, какие социальные группы подвергаются этическому осмыслению и как на основе социальных обозначений концептуализируются этические понятия. Наивная этика является одним из важнейших объектов описания в различных лингвокультурологических направлениях: Московской семантической школе [Языковая картина мира и системная лексикография 2006], школе концептуального анализа [Логический анализ языка: языки этики 2007], славянской этнолингвистике (работы С.М. Толстой). Сербской народной этике посвящен ряд исследований, выполненных сербскими учеными по методике Люблинской этнолингвистической школы [О вредностима у српском језику 2015]. Анализ, представленный в данной работе, также носит этнолингвистический характер, но основывается, главным образом, на словарном материале, без широкого привлечения текстовых данных.

Основы современного сербского литературного языка были заложены крестьянином по происхождению Вуком Караджичем, горячо любившим свой народ и его язык и сделавшим язык простого народа языком литературы и науки. В 1810-е гг. Вук начал писать свои произведения (публицистические, лингвистические, исторические) на языке, чрезвычайно близком к его родному говору (иногда почти идентичном), а его ученики впоследствии поддержали и распространили новый тип литературного языка, опирающийся на народные говоры и фольклорные тексты и оторвавшийся от предшествовавшей церковнославянской и славянизированной сербской книжно-письменной традиций. Вместе с народной лексикой сербский литературный язык усвоил и народную систему понятий. Однако с течением времени он стал инструментом элитарной культуры (ср. [Толстой 1995: 17], сформировав новые понятия. К новшествам второй половины XIX – начала XX в. относятся и этические значения, мотивированные названиями социальных групп (простого народа, крестьян, мещан и образованных горожан), которые и являются предметом данной статьи¹.

¹ Новыми эти значения можно считать потому, что они не фиксируются словарем-тезаурусом RJAZU, включающим лексику сербских и хорватских авторов до середины XIX в., а также словарем Й. Броза и Ф. Ивековича, основанным, в первую очередь, на текстах Вука Караджича (Broz-Iveković).

В современном сербском языке имеется экспрессивная лексема *простак* ‘грубый, невоспитанный человек’ (и ее усиленный аугментативным суффиксом вариант *простачина*), соотносимая с *простак* ‘простой, необразованный человек’, ‘недворянин, плебей’. В традиционном сербском языке слово *простак*, насколько можно судить по словарю В. Караджича 1818 г. (‘gemeiner Mensch ohne bildung, homo de plebe’ [Караџић]), не имело негативной окраски, поскольку этот язык отражал мировосприятие самого народа. Негативное этическое значение слова *простак* ‘грубый, невоспитанный человек’ является более поздним и, по всей видимости, относящимся к тому времени, когда уже появилась городская культурная элита. Этой лексемой и ее дериватами *простаклук*, *просташтво*, *простачки* обозначается невежливое, грубое, вульгарное поведение. Типичный денотат этих оценок – использование в речи непристойных выражений, ругательств (*простачке речи* ‘грубые слова’ [РМС], s.v. *простачки*). Также этими словами обозначаются нарушения прочих правил поведения: такую оценку могут дать человеку, который ушел, не попрощавшись, поднимает крик в общественных местах, не умеет пользоваться столовыми приборами, безвкусно одет. В том же значении ‘невоспитанный человек’ в современном сербском языке употребляется слово *сельак* (первое значение ‘крестьянин’) и его пейоративный дериват *сельачина* ‘грубый человек, простак, простачина’. Слова *простак*, *простачина*, *сельачина* могут использоваться как общие оценки для выражения негативной эмоции, вызванной чьим-то поведением. Ср.: *Како ти смеш мене да зауставиш, сельачино једна?!* ‘Смотри, кого останавливаешь...’ (обращение высокопоставленного лица к сотруднику транспортной полиции, остановившему его автомобиль)¹. Семантически и мотивационно наиболее близка к сербским словам *простачина* и *сельачина* русская лексема *деревенщина* ‘неуч, невежа, грубый, необразованный человек’ [Даль], ‘о жителе деревни, простоватом, грубоватом человеке’ [МАС 1: 388] или *деревня*. Ср.: *Эта деревенщина в лесу родилась, пенью молилась. Эка парень-деревня (деревенщина), иконы от лопаты не распознает!* [Даль].

На основе слов *малограђанин* ‘представитель мелкой буржуазии, торговец, владелец ремесленной мастерской’, ‘человек с отрицательными особенностями жителя маленького города, человек с ограниченными интеллектуальными запросами, лицемер’ и *малограђанство*, *малограђанитина* ‘мещанство’ (как сословие и как образ жизни) [РСЈ, РСАНУ] в сербском языке сформировалось понятие, близкое к русскому мещанству. Это же значение в сербском языке выражают слова *провинцијалац* ‘житель провинции; человек с провинциальными привычками, с узкими взглядами, малограђанин’, *чаршија* ‘торговая часть города; обитатели этой части города, торговцы; люди с ограниченными взглядами, малограђанин, малограђанство, толпа’, устар. *ћифта* ‘мелкий торговец; ростовщик, скупец; малограђанин, филистер’, устар. *маловарошанин* ‘житель маленького городка; ограниченный человек’ [РСЈ].

¹ В зависимости от ситуации эта и синонимичные ей лексемы могут быть переданы русскими словами *хам*, *деревня*, *грубиян*, но, как правило, возникают трудности с подбором семантически и стилистически точного эквивалента, поскольку пейоративы с общим значением имеют в русском языке высокую степень экспрессивности и их употребление является нарушением правил приличия. Различие в стилистическом статусе пейоративов в обоих языках представляется системным явлением, также связанным с характером культуры, лежащей в основе литературного языка. В сербской культуре выражение эмоции, в том числе негативной, является нормой речевого этикета. Как известно, в речи образованных сербов в ограниченном объеме допустимо и не является нарушением правил приличия использование обсценной лексики.

В этих синонимах отражается связь сербского мещанства, во-первых, с торговлей и наживой (ср. исходное *чаршија* ‘торговая часть города’, ‘торговцы’, *ћифта* ‘торговец, ростовщик, скупец’), что приближает сербское мещанство к русскому *торгашеству*¹. Во-вторых, синонимия со словом *провинцијалац* указывает на связь сербского мещанства с провинциальным менталитетом, что отражено в толковании слова *малограђанин* и в его мотивации («человек из маленького города», ср. устар. *маловарошанин* с той же внутренней формой (*мала варош* ‘маленький город’). В сербской лексикографии отмечена и антонимичная (но не употребляющаяся в современном языке) лексема *велеграђанин* ‘житель большого города; человек широких взглядов’ [РСЈ], связывающая жизнь в большом городе с более высоким уровнем нравственного развития. Носители языка также определяют мещанство (*малограђанинтину*) как провинциальность (*провинцијално понашење*)². Таким образом, сербское понятие мещанства формируется, скорее, на базе территориальных и профессиональных, а не социальных признаков (*провинцијал* и *торговец*) и отражает противопоставление столицы и провинции и стяжателей и нестяжателей. Ср. высказывание одного из известнейших сербских писателей XX в., интеллектуала Милоша Црнянского: *У данашњем друштву ћифта и пилара књижевност има тако смешно место* ‘В современном обществе ростовщиков и рыночных торговцев литературе отводится смешное место’. Как и в России, у сербов понятие нравственного мещанства сформировалось поздно: в словаре Караджича слово *малограђанин* вообще отсутствует, т. е. не засвидетельствовано даже как социальный термин, не говоря об оценочном значении. Этическое *малограђанин* является результатом языковой деятельности новой сербской элиты – столичной интеллигенции, или *господ*.

Несмотря на то что сербский язык, со временем меняя свою культурную основу, сформировал отдельные элитарные понятия в социально-этической сфере, процесс этот был реализован не полностью. Русское значение слова *толпа* ‘обыкновенные люди, масса, в противоположность героям, одаренным, выдающимся личностям’ (*ученые хранили тогда науку как тайну и говорили об ней языком недоступным толпе* (А. Герцен, [МАС 4: 375]) в сербском языке представлено в более сниженной форме и трактуется как пейоративное ‘неорганизованная, недисциплинированная масса людей, гомила, святина, отбросы общества’ [РСЈ], s.v. *гомила, светина, руља*). Как и в близком по значению русском слове *быдло*, в сербских названиях толпы заложено противопоставление низшего – массы и высшего – субъекта речи, но этим высшим, как правило, является не исключительная романтическая личность (ср. русск. *поэт* и *толпа*), а обычный человек. Ср.: *гдје... је полиција да растјера пијану простачину* ‘где полиция, чтобы разогнать пьяную толпу’ ([РМС], s.v. *простачина*). В словаре Караджича современные обозначения толпы (*гомила, светина, руља*) зафиксированы в значении большого скопления людей без отрицательной коннотации: *навалила свјетина* ‘собралась толпа’.

Понятие *аристократизм* ‘аристократический образ мыслей, поведения’, *аристократија* ‘аристократия, аристократизм’ [РСЈ], хотя и присутствует в современной сербской культуре, но исконно ей чуждо, а понятия *интелигентност* у сер-

¹ Значение *торгашества* в сербском языке выражается также словами *пилар* ‘торговец овощами и фруктами’ и *пиларица* ‘торговка’ и ‘человек, склонный к сплетням, осуждению’.

² Как характеристику мещанского (*малограђанског*) поведения приводят следующий пример: человек, приехавший из столицы в родной город, красуется на дорогой машине перед старыми знакомыми. С русским мещанством сербское *малограђанство* сближает любовь к безвкусным вещам.

бов нет, так как нет понятия *интеллигенция*: его заменяет понятие *интеллектуалци* ‘интеллектуалы, люди интеллектуального труда’. Зато на сербской почве сложилось близкое к аристократизму и интеллигентности понятие *господство* ‘аристократический вид, элегантность; аристократическое поведение, манеры, изысканность, достоинство; гордость, надменность’: *урођено господство* ‘врожденный аристократизм’ [РСЈ]. В основе этого понятия лежит представление о «господах» как классе людей, ‘не занимающихся физическим трудом, горожанах, чиновниках, служащих, интеллектуалах’ ([РСЈ], s.v. *господин*). Господа – высший слой сербского общества, который сформировался в освобожденной от турок Сербии; элита, представляющая собой функциональный аналог русского дворянства и интеллигенции. В семантических и словообразовательных производных слова *господин* на первый план выдвинулась идея высокой культуры поведения, изысканности манер: *господин* ‘человек, следящий за своей внешностью, одеждой, поведением, человек с хорошими манерами, изысканный человек, джентльмен’, *господски* ‘изысканный, богатый’ (*господско држање* ‘аристократические манеры’, *господско одело* ‘изысканный костюм’), *господствен* ‘изысканный, культурный; исполненный достоинства’ (*господствен човек* ‘аристократ, человек с чувством собственного достоинства’) [РСЈ]. Положительные нравственные свойства господину не приписываются, напротив, господство понимается как надменность и гордость ([РСЈ], s.v. *господство, господствено*)¹.

Развитие этических значений у социальных обозначений в сербском языке может служить примером изменений в мировоззрении носителей этих языков на протяжении истории. Если перемены в материальной культуре легко прослеживаются на лексическом уровне (на примере историзмов и неологизмов), то отражение развития духовной культуры в лексике не столь очевидно и на сербском материале не исследовано. Эволюцией лексико-семантической системы от текстов В. Караджича до современности много занималась М. Ивич (см., например: [Ivić 2005a; Ivić 2005b]), однако ее наблюдения касаются преимущественно изменения значений слов, не несущих важного культурного содержания (*управо* ‘искренно, точно’ и *современное* ‘именно’, *јасно* ‘точно’ и ‘понятно’). Представляется важным в будущем проследить, как крестьянское мировоззрение сербов в литературном языке заменялось на городское на примере языкового выражения представлений о нравственности, нормах общения и приличия, эстетическом идеале.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (электронное издание).

Караџић В.С. Српски рјечник. Београд: Просвета, 1969. 927 с.

Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. 452 с.

¹ Попутно заметим, что для сербской этической лексики характерна общая положительная оценка внешней стороны человеческого поведения, ср. широко распространенное в современном сербском языке прилагательное *фин* ‘симпатичный, приятный в общении, воспитанный’, не имеющее русского эквивалента. Со словом *вежливый* сербская лексема по значению не совпадает: если русское слово обозначает черту характера, то сербское – впечатление, производимое человеком. Само понятие вежливости начальному этапу развития лексики современного сербского литературного языка свойственно не было. Современное *уљудан* ‘вежливый’ в словаре Караджича представлено со значением ‘приветливый’, а близкие по значению слова *љубазан* ‘любезный’ и *учтив* ‘учтивый’ являются русскими заимствованиями (первое – семантическим, второе – лексическим).

О вредностима у српском језику. Зборник етнолингвистичких радова. Београд: Алма, 2015. 209 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. 262 с.

Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.

Якушкина Е.И. Србохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 175 с.

Broz I., Iveković F. Rječnik hrvatskoga jezika. Svezak I–II. Zagreb: Štamparija Karla Albrechta, 1901: Sv. I. 951 s.; Sv. II. 883 s.

Ivić M. O Vukovom upravo // Ivić M. O rečima. Beograd: Čigoja štampa, 2005. S. 109–114.

Ivić M. O odredbi razgovetno i povodom nje // Ivić M. O rečima. Beograd: Čigoja štampa, 2005. S. 65–72.

MAC – Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

PMC – Речник српскохрватског књижевног и народног језика: В 6 т. Нови Сад, 1967–1976.

PCJ – Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1561 с.

РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 12. Београд: Научно дело, 1984. 800 с.

RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

REFERENCES

Dal VI. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language (electronic edition).

Karadzic V.S. (1969) Serbian Dictionary. Belgrade. 927 p.

Logical Analysis of the Language: Languages of Ethics. Moscow. Yazyki Russkoy Kulturu Publ. 2000. 452 p.

About Values in Serbian. Collection of Ethnolinguistic Papers. Belgrade. Alma Publ. 2015. 209 p.

Tolstoy N.I. (1995) Language and Folk Culture. Moscow. Indrik Publ. 262 p.

Language Picture of the World and Systemic Lexicography. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ. 2006. 910 p.

Yakushkina E.I. (2003) Ethnolinguistic Analysis of Serbo-Croatian Ethical Lexicon: Thesis. Moscow. 175 p.

Broz I., Ivekovic F. (1901) The Dictionary of Croation Language: In 2 vols. Zagreb. Karl Albrecht's Typography: Vol. I. 951 p.; Vol. 2. 883 p.

Ivic M. About Vuk's Word *upravo*. In: Ivic M. About Words. Belgrade. Čigoja štampa Publ. 2005, pp. 109–114.

Ivic M. About the word *razgovetno*. vic M. About Words. Belgrade. Čigoja štampa Publ. 2005, pp. 65–72.

MAS – Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. Moscow. Russky Yazuk Publ. 1985–1988.

PMC – Dictionary of the Serbian-Croatian Literary and Folk Language: In 6 vols. Novi Sad, 1967–1976.

PCJ – Dictionary of the Serbian Language. Novi Sad. Matica Srpska Publ. 2007. 1561 p.

РСАНУ – Dictionary of the Serbian-Croatian Literary and Folk language. Vol. 12. Belgrade. Nauchno delo Publ. 1984. 800 p.

RJAZU – Dictionary of the Croation or Serbian Language. Zagreb. 1880–1976.

Сведения об авторе:

Екатерина Ивановна Якушкина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina I. Yakushkina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
jkatia@yandex.ru